

В ГОСТЯХ У ПРАГИ

Булат Назмутдинов: «У евразийства есть шансы на возрождение»

На философском факультете Карлова университета 13 октября состоялась лекция доцента кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Булата Назмутдинова, во время которой он также представил свою книгу «Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства». Корреспондент «Пражского телеграфа» Антон Романенко поговорил с исследователем о его книге и о том, что такое евразийство, откуда оно происходит и каково его современное состояние.

Антон Романенко

Порой сам термин «евразийство» представляется неясным. Как бы Вы могли определить это понятие?

Скажем так: это идейное течение, или даже некоторая интуиция, которая полагает Россию отдельным миром в себе, несводимым ни к Европе, ни к Азии. В некотором смысле это негативное определение, поскольку оно заявляет, что «мы – ни то, ни другое», но если, отталкиваясь от общего тезиса, говорить более подробно, то можно сказать, что это учение, ставящее на первое место сферы геополитики и геоэкономики. При этом религия была важна на первых этапах развития раннего евразийства в 1920-х гг., но сейчас, наверное, это уже не так.

Расскажите о Вашей книге. Насколько я понял, Вы пытались совершить историческое исследование и внести ясность в современные представления о евразийстве.

Книга не пытается сделать современное евразийство более ясным. Я изучал классическое евразийство 1920-1930 гг., т.е. то учение, которое уже по сути завершило свое развитие. Замечание об историчности отчасти уместно, потому что в книге рассмотрен определенный исторический этап, условно говоря, междувоенный период, и те учения, которые развивались в то время. О современном евразийстве я говорил лишь пунктирно. Скорее, я изучал основы, на которые опирается современное евразийство. Книга не является исторической в полном смысле этого слова. У историков другие методы и другой инструментарий, для них важна динамика течения, его развитие. Я же, кроме того, стремился предметно рассмотреть понятия о государстве и праве.

Классическое евразийство было панорамным учением, в котором правовые понятия были выражены не так отчетливо, так что порой было неясно, как к ним подступиться. К тому же изначально евразийство было идеологией. Мне нужно было извлекать юридические аспекты из всего, что было написано. Политического в статьях евразийцев было вполне достаточно, юридического – нет. Моей целью было определить, как юридические аспекты существовали в этом движении. Нужно было определить такие общие понятия, как государство, идиократия, демократия, правообязанность, а также понять, как эти слова используются у разных авторов. Поскольку чаще всего статьи были не юридического толка, приходилось особенно стараться, чтобы понять специфическое значение каждого отдельного термина. К примеру, у Петра Сувчинского можно встретить такой термин, как «народоводительство». Чтобы точно понять его значение, нужно было изучать другие статьи и контексты, в которых оно использовалось. Прин-

ципальный момент моей книги заключается в том, что мне приходилось опираться на неюридическую материю, чтобы прояснить значение политико-юридических аспектов.

Можно ли говорить о том, что круг работ евразийских авторов формирует самостоятельную политическую доктрину?

Отчасти можно. Наиболее важны работы Николая Трубецкого «О государственном строе и форме правления», «Подданство идеи» Петра Савицкого, «Государство правды» Мстислава Шахматова, многие работы Николая Алексеева, «К взаимоотношению права и нравственности» Владимира Ильина, «Правомочие и его виды» Николая Дунаева. Все эти тексты формируют своеобразную систему, определяющую основные политико-правовые положения классического евразийства. Более подробно об этом я написал в книге.

Имело ли евразийство в то время реальный политический вес?

Оно имело большой идейный вес в русской эмиграции в начале 1920-х гг. Евразийство зарождалось в среде молодых русских эмигрантов, представителя этого течения можно увидеть таким бунтующим enfant terrible, стремившимся по-своему разобраться с теми проблемами, которые возникли после революции 1917 г. Для евразийцев их идеология изначально имела скорее философское, а не политическое значение. В середине 1920-х гг. они попытались превратить его в политическую партию, но у них это не получилось. Судя по журналу внутриевразийской переписки «Евразиец», они более рассуждали о России и её политико-экономическом устройстве, Европа их заинтересовала только тогда, когда политическая ситуация начала радикализироваться, когда начинал формироваться национал-социализм и нужно было как-то осмыслить этот вызов. У них, может быть, и было политическое влияние, но оно было микроскопическим. Сегодня известно, что евразийцы были связаны с операцией «Трест»: они были скорее неосознанно вовлечены в секретные маневры советских спецслужб, сами в них они намеренно не участвовали. Евразийство было той силой, которая стремилась к политическому влиянию, но не смогла его приобрести. Ну а когда реализовались программы национал-социализма и фашизма, это уже стало и фактически невозможно, в силу запрета на инакомыслие.

Мы говорим о классическом евразийстве, а как течением развивалось в послевоенные годы?

Скажем так, был костёр, а после него осталась зола и угли. К примеру, упомянутый уже Сувчинский после войны не занимался политикой. Его больше интересовали философия культуры, искусство как форма деятельности

и область изучения. Георгий Вернадский занимал кафедру в США и его интерес к евразийству носил прикладной характер: его интересовало, что из евразийства можно использовать в исторической науке. Это заметно по его работе «Ancient Russia» в которой многое из истории Древней Руси рассмотрено с точки зрения евразийства. Также в рамках течения продолжал писать Савицкий, который после 1955 г. вернулся в Прагу. До этого он был в советском лагере, работал над статьями, писал стихи под псевдонимом Востоков, за которые его преследовали уже в начале 1960-х гг. в Чехословакии. Кроме того, Савицкий, через сотрудника Эрмитажа Гуковского познакомился со Львом Гумилевым и начал с ним переписываться. У Савицкого были проекты по созданию новой науки о Центральной Азии, так называемое «кочевниковедение», и он считал, что Лев Гумилев, владевший основами тюркских языков, сможет продолжить его начинания. Вот на таком этапе можно сказать, что эта переписка стала мостом от классического евразийства к неоевразийству.

Какую роль сыграл в этом русский архив, вывезенный из Праги?

Академику В.Т. Пашуто передали часть архива Остроухова. Часть русского зарубежного исторического архива (РЗИА) после 1945 г. советские власти вывезли из Праги, чтобы на его основании найти людей, которых, так сказать, нужно было привлечь к ответственности, – казаков и пр. В 1990-х гг. архив Савицкого в Москве был открыт, стало возможным проводить исследования. Хотя интерес к евразийству возрос ещё раньше, в конце 1970-х гг. В это время в Тарту вышла статья Чемериской, посвящённая общим основаниям евразийства. В конце 1980-х гг. и перед распадом СССР работ стало ещё больше, хотя многие из них носили

Булат Венерович Назмутдинов, доцент факультета права кафедры теории и истории права, с 2008 года работает в НИУ ВШЭ.

Научно-педагогический стаж: 8 лет.

В 2008 году закончил программу специалитета в Высшей школе экономики по направлению «Юриспруденция». В 2012 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века». В область его профессиональных интересов входит теория права и государства, а также история политических и правовых учений.

научно-популярный характер. Но к сегодняшнему дню евразийство на общем уровне уже хорошо исследовано. Если что-то пытаться найти в нём – это другой уровень рассмотрения, чем я и занимаюсь.

Что же касается философского осмысления и подачи материала как нового философского учения, то сегодня неоевразийство представлено работами Льва Гумилева, Александра Панарина, Сергея Кара-Мурзы и Александра Дугина.

Существует ли разница между классическим евразийством и неоевразийством?

Конечно, существует. В современном евразийстве, к примеру, в работах Дугина это особо подчеркнуто, выступает ярко выраженный антиамериканизм, в то время как Савицкий на первых порах считал, что Америка – это новая земля, обладающая возможностями, которые Европа уже утратила. К тому же, если Трубецкой выстраивал дихотомию на уровне «Европа – человечество», т.е. по сути делил мир на Европу и колонизированный Европой мир, то сегодняшние евразийцы работают с моделью «континент – океан», где морские

территории противопоставляются континентальным. Особенно это было актуально для неоевразийцев во время войны в Ираке, когда Франция и Германия не поддержали американское вторжение. Другие вещи связаны с тем, что правые евразийцы активно ищут поддержку среди европейских новых правых. Подобными вещами классическое евразийство занималось в ограниченный период времени и никогда активно правых не поддерживало. И, конечно, современное евразийство всё-таки держится не на учёных. Тот же Дугин более политик, хотя, наверное, можно назвать его мыслителем. Как бы там ни было, классические евразийцы были очень успешными состоявшимися учёными. Современное неоевразийство более идеологизировано.

Значит, по-Вашему, неоевразийство выходит за рамки философии и начинает проявлять себя в политико-идеологических контекстах?

Мне кажется, сложно говорить в том духе, что современность профанируется, и поэтому нужно обратиться к истокам. Просто само по себе классическое евра-

зийство мне кажется более интересным и многогранным, чем современное. К тому же у классического евразийства уже очерчены границы, оно представляет собой объект для изучения. Современное течение ещё развивается, оно не отретифицировано.

Если я Вас правильно понял, евразийство утверждает, что Россия – нечто самобытное, со своим особым путём. В этом смысле очень интересно название вашей книги «Законы из-за границы». Значит ли это, что национальные идеи были сформированы под влиянием заграничной интеллектуальной среды?

Нет, не совсем. Скорее речь шла о законах, возникающих из-за границы. То есть очерченные границы между культурами становятся фактором возникновения новых законов, уникальных для тех или иных территорий. В названии я также хотел подчеркнуть идею о том, что классическое евразийство – все-таки эмигрантское учение: оно пыталось сформулировать закономерности развития России, формируясь при этом за рубежом.

Евразийство находится на пересечении различных идейных платформ. Ему, безусловно, присуще стремление очертить границы русской идентичности, но нельзя все сводить только к этому. Оно может быть представлено как геополитическое исследование, что роднит его с европейскими и американскими теориями; как особое направление в рамках русской философии; также сюда укладываются старые философские вопросы русской мысли, вроде дихотомии «Запад – Восток»; также его можно интерпретировать как течение, возникшее из-за революции. Нельзя сводить евразийство к чему-то одному.

В своей лекции Вы говорили о Праге как об одном из центров евразийской мысли. Сохраняет ли город сегодня такое значение?

Мне кажется, важно пояснить сам вопрос. Я бы сказал, что на уровне изучения источников Прага очень важна. Скажем, часть архива Петра Савицкого находится в Славянской библиотеке, также там находится личная коллекция Антония Флоровского, брата одного из основателей евразийства Георгия Флоровского. В литературном архиве Музея народной письменности находится коллекция Константина Чхеидзе. Все это в открытом доступе, все можно изучать.

Как по-Вашему, есть ли у евразийства будущее?

Евразийство в своем основании есть очень ясное течение: многие его положения сформулированы вполне понятно. У него в этом смысле больше шансов на продолжение, чем у какой-нибудь менее ясной системы. Но опять-таки в него можно вложить очень разное содержание, и это нужно учитывать. ❏